

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Много веков кочевое племя бедуинов хранило великую святыню христианства – рубин, один из четырех драгоценных камней, украшавших когда-то крест святого Петра. И вот рубин похищен. И пока все камни не займут свое место, гармония жизни не будет восстановлена...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Огненный рубин апостола Петра



Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Огненный рубин апостола Петра

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Огненный рубин апостола Петра / Н. Н. Александрова —
«Эксмо», 2016 — (Артефакт & Детектив)

На долю Агнии Иволгиной выпала необычная судьба, в ее руки попал удивительный артефакт. По легенде, в разрушенном варварами Риме четыре германских воина нашли гробницу святого Петра, где обнаружили крест с четырьмя драгоценными камнями. Каждый воин взял себе по камню. Прошло много веков – и вот сапфир и топаз оказались у Агнии. А судьба снова втянула девушку в опасное приключение. Она лишь сегодня прилетела с отдыха, из Туниса, а с ней уже столько всего произошло... В одночасье она осталась без денег, без дома, без помощи, без друзей, в бегах... За какое преступление она оказалась в розыске? В чем ее обвиняют? Осознав ужас своего положения, Агния поняла, что против нее ведет игру какая-то мощная сила, правда, она еще не знала, что снова началась охота за священными камнями и что вскоре и третий из них – огненный рубин – окажется у Агнии...Продолжение романа Натальи Александровой «Магический камень апостола Петра».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Наталья Александрова

Огненный рубин апостола Петра

© Александрова Н. Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Тяжелый неповоротливый корабль ткнулся тупым носом в песок. Одноглазый германец в медном шлеме, помятом ударами вражеских мечей, спрыгнул в воду, добрал до берега с концом веревки в руках и дважды обмотал ее вокруг волосатого ствола пальмы. Вслед за первым с корабля посыпались остальные воины, после долгого морского перехода всем не терпелось ощутить под ногами твердую землю. По сходням перевели на сушу уцелевших коней. Последним спустился на берег вождь вандалов Руст, который привел своих соплеменников в этот жаркий край.

Он отдал несколько отрывистых команд, и воины разделились: одни вытягивали корабль ближе к берегу, чтобы его не унесло начинающимся приливом, другие принялись собирать топливо для большого костра, третьи отправились прочь от моря искать воду и пищу, а заодно выяснить, нет ли поблизости местных жителей.

Арнульф, молодой воин из племени бургунов, был среди тех, кто вытаскивал на берег корабль. Он радовался тому, что кончилось, наконец, плавание: море казалось ему ненадежной, предательской стихией, в которой могут таиться тысячи незримых опасностей. Конечно, на суше опасностей тоже хватает, но эти опасности простые, знакомые, которым можно противостоять при помощи верного меча и боевых товарищей, всегда готовых прикрыть твою спину.

В море же никогда ни в чем нельзя быть уверенным, никогда не знаешь, что принесет тебе следующий день. Вот и на этот раз опытный кормчий Сумах из германского племени герулов уверял вождя вандалов, что они доплывут до африканских берегов самое большее за неделю, но возле страшного мыса Сцилла на их корабль внезапно обрушился жестокий шквал, и их унесло чуть ли не к самым Геркулесовым столбам. Во время бури они потеряли пятерых воинов и мачту, так что всем оставшимся в живых пришлось сесть на весла.

Самое же печальное, что во время этого шторма погибла половина их лошадей. К счастью, сам корабль уцелел, кормчий сумел найти по звездам верный путь, и вот наконец они добрались до Африки, но вместо недели на это ушло полтора месяца...

Рядом с Арнульфом тянул канат одноглазый коренастый вандал в медном шлеме. Один из соплеменников ткнул его в бок и насмешливо спросил:

– Неужели тебе не жарко в этой шапке?

– Может, мне и жарко, – отозвался одноглазый, – да только я ни за что ее не сниму, пусть даже окажусь в аду! Эта медная шапка столько раз спасала мне жизнь, что стала моим лучшим другом!

Наконец они оттащили корабль достаточно далеко от полосы прибоя.

Арнульф огляделся по сторонам.

Здесьние места ему определенно не нравились: выжженные солнцем пески, среди которых поодаль одна от другой высились перистые пальмы. Это ничуть не напоминало ему родные места, густые тенистые леса по берегам широкого Рейна.

Впрочем, печалиться и смотреть в прошлое – занятие, недостойное настоящего воина. Он дал слово верности вождю вандалов, и он будет верен этому слову. Руст – славный вождь, так в один голос говорят все его люди. Он храбр, как лев, в бою всегда сражается впереди

всех, никогда не поворачивается спиной к врагу, никогда не оставляет без помощи своих людей, попавших в передрагу. А самое главное – он удачлив во всех своих делах, он захватывает много добычи и честно делит ее между своими воинами. Оттого он получил среди своих соплеменников прозвище Руст Счастливец.

Сюда, на этот пустынный, выжженный солнцем берег, они приплыли, потому что Руст прослышал о древнем и богатом городе Карфагене. Ему говорили, что некогда Карфаген был великим и могущественным городом, соперником самого Рима.

Правда, с тех пор он пришел в упадок, бывшее могущество Карфагена миновало, но и теперь там можно взять сказочную добычу. А значит, и Арнульф у перепадет неплохая часть.

От этих мыслей Арнульфа отвлек шум поодаль от берега. Там появились двое из воинов, отправившихся на разведку. Они возвращались, таща за собой смуглого полуголого старика, который оглашал окрестности жалобными воплями, и двух коз, которые вторили своему хозяину.

Коз тут же разделали и повесили над костром, туземца подвели к Русту и заставили опуститься на колени.

Руст выпрямился во весь свой огромный рост и грозно поглядел на старого туземца.

– Как тебя зовут? – осведомился он грубым, хриплым голосом, внушающим страх врагам и пленникам.

Старик что-то жалобно заверещал, Руст нахмурился лице прежнего и продолжил:

– Впрочем, меня мало интересует твое жалкое имя. Скажи лучше, где поблизости можно взять воду. Хорошую пресную воду.

Старик снова залопотал по-своему.

– Должно быть, он не понимает нашего языка, – предположил кто-то из воинов, с интересом наблюдавших за развлечением.

– Поджарить ему пятки – сразу поймет! – отозвался другой. – Помнишь того латинянина, которого мы захватили пять лун назад? Он тоже делал вид, что не понимает, чего мы от него хотим, а стоило его как следует подпалить, как он отдал нам свое золото. Правда, этого золота у него было мало...

– Если ты не понимаешь про воду, старик, может быть, ты поймешь про Карфаген? Ты знаешь, где он расположен?

Тут старик перестал лопотать, он выпучил глаза и громко воскликнул:

– Кар-фагена, Кар-фагена! – и возбужденно замахал руками, указывая на восток.

– Да, и звезды говорят мне, что Карфаген лежит к востоку от этих земель! – поддержал старика кормчий Сумах.

– Так, может, ты доведешь нас до Карфагена, старик? – спросил Руст, по-прежнему грозно хмуря брови.

Старик снова залопотал и показал на своих коз, жарящихся над костром.

– Вот как! – Руст засмеялся. – Ты едва избежал смерти, старик, но уже требуешь возмещения своих потерь? Ладно, я заплачу тебе за коз, щедро заплачу!

Он достал из кожаного кошель золотую монету и показал ее туземцу. Глаза у того загорелись, он потянулся за монетой, но Руст с усмешкой спрятал ее обратно и проговорил:

– Э, нет! Сперва приведи нас в Карфаген – а потом уж получишь эту монету, и еще одну такую же!

Руст достал из кошель две монеты, позвенел ими в кулаке и строго повторил:

– Карфаген!

Темная машина остановилась перед высоким глухим забором. Бесшумно открылись автоматические ворота, и машина медленно въехала внутрь. Участок был большой и тщательно

ухоженный – клумбы, цветущие кусты, красиво постриженные хвойные деревья. На участке стояла полная, удивительная тишина. Не слышно было детских голосов, и музыка не звучала в отдалении, даже птицы молчали. Да и были ли они здесь, эти птицы...

Из машины вышла худощавая молодая женщина, одетая подчеркнуто неприметно – во что-то темное, скромное, не бросающееся в глаза. Она внимательно оглядела двор и удовлетворенно улыбнулась. Все, как и должно быть – тихо и пусто, впрочем, где-то в углу работает садовник. Его можно было бы и не заметить – до того тихо управляется. Садовник не поднял головы на звук открывающихся ворот, он был глухонемой от рождения. Хотя девушка знала, что он понимает по губам. И еще она была уверена, что он знает, что она приехала, даже различает машины по шуму двигателя. Она не знала только, откуда он появился. Хозяйка всегда сама занимается подбором персонала.

Девушка пошла к дому по дорожке, обсаженной отцветающими розами, поднялась на высокое крыльцо и вошла в холл.

Одну стену холла занимал огромный камин. Дрова были сложены в нем красиво, и девушка невольно усмехнулась. Сколько она работает здесь, ни разу не видела, чтобы камин разжигали. Хозяйка редко спускается вниз, а больше в доме никто не живет. Кроме, разумеется, тех, кто ей помогает.

Не задерживаясь в холле, молодая женщина поднялась по лестнице, прошла по коридору и постучала во вторую по счету дверь.

– Войди, Лиза! – послышался мелодичный голос.

Лиза помедлила долю секунды на пороге и вошла с бесстрастным лицом.

Все стены комнаты были заставлены стеклянными витринами, у окна стоял стол, возле которого в удобном вертящемся кресле сидела пожилая женщина. Одета она была дорого и со вкусом, волосы цвета меда тщательно уложены, в ушах – серьги, глядя на которые даже несведущий человек понял бы, что они очень дорогие.

И еще даже несведущий человек почувствовал бы исходящую от этой женщины власть. Власть и силу.

Но Лиза чувствовала не только это. Она чувствовала – точнее, знала – гораздо больше.

Женщина с волосами цвета меда сидела здесь, в этой комнате загородного дома, как паук сидит в центре своей паутины, следя за малейшими натяжениями нитей и по этим едва заметным колебаниям определяя, что происходит в разных уголках мира, отдаленных от нее на тысячи километров. И решала, чем ей грозят эти события и как на них отреагировать.

На столе перед ней стоял микроскоп.

Лиза не сомневалась, что хозяйка рассматривала через этот микроскоп какую-нибудь очередную бабочку. Она любила бабочек, любила их за то, как они удивительно преображаются, превращаясь из невзрачной и даже противной гусеницы в очаровательное, невесомое создание с большими пестрыми крыльями.

Она любила бабочек – но еще больше любила власть.

У ног женщины лежала большая черная собака. Увидев Лизу, собака подняла уши, показывая, что знает о ее присутствии, и больше никак не отреагировала.

– Что скажешь, Лизок? – Хозяйка оторвалась от микроскопа. – Как наши успехи?

– Никак, Елена Юрьевна, – Лиза всегда отвечала быстро и честно, – никаких следов камня. Прошел месяц, если бы камень¹ попал к случайному человеку, то где-нибудь бы уже всплыл. Тот человек, который... которого вы наняли, чтобы добыть второй камень, погиб... – Лиза не сумела скрыть в голосе некоторую толику злорадства и нахмурилась.

Это плохо само по себе, а еще хуже, что Елена Юрьевна, несомненно, это поняла. Никогда нельзя проявлять свои чувства и тем более нельзя допускать, чтобы кто-то заметил эти прояв-

¹ О камне см. роман Н. Александровой «Заря Востока».

ления. Нельзя допускать, чтобы твои чувства использовали против тебя. Это был один из уроков Елены Юрьевны, который Лиза отлично усвоила. Лиза была очень хорошей ученицей.

– Я знаю, что он погиб, – теперь голос хозяйки был сух и холоден, – знаю, что он переоценил свои силы. Что ж, это уже пройденный этап. Я много думала над этим делом...

Лиза тотчас наклонила голову, чтобы хозяйка ничего не смогла прочитать по ее глазам. Определенно стареет Елена Юрьевна, раньше она никогда не разговаривала с ней так. Раньше она просто отдавала приказы и требовала их беспрекословного выполнения, а теперь раздумывает. Этак еще и советоваться начнет...

– Есть в деле о двух камнях кое-что общее, – заговорила Елена Юрьевна прежним своим спокойным, доброжелательным тоном, – и там, и тут присутствует эта самая Агния... как ее... все время забываю ее фамилию...

Лиза прекрасно знала, что Елена Юрьевна никогда ничего не забывает, несмотря на пожилой возраст, голова у нее работает отлично. И память тоже дай бог каждому. Не хуже, чем у компьютера. Однако раз охота ей изображать из себя склеротичку – значит, так надо. И Лиза включилась в игру.

– Иволгина, – сказала она, – Агния Львовна Иволгина.

– Вот-вот, – Елена Юрьевна скупой улыбнулась Лизе, как будто прочитала ее мысли, – значит, насчет синего сапфира все ясно – был скандал, связанный с этой Иволгиной². И во время этого случая с желтым топазом в театре присутствовали только она и та женщина, что спрятала камень среди театрального реквизита.

– Она умерла, – напомнила Лиза и по острому взгляду Елены Юрьевны поняла, что не нужно было этого делать.

– Надо вплотную заняться этой Иволгиной, – снова из голоса хозяйки исчезла показная доброжелательность, он стал сухим и деловитым. – Только никаких прямых силовых методов, это не тот случай. Действовать будем тонко.

– Шантаж? – деловито спросила Лиза. – Мужчина?

– Хм... мужчины у нее нету, она – женщина одинокая, живет после смерти деда одна, увлечена исключительно работой. Друзей у нее мало, ни детей, ни братьев-сестер, ни племянников, с матерью отношения не слишком близкие.

Снова Лиза низко наклонила голову, чтобы скрыть выражение лица. Ну надо же, оказывается, Елена Юрьевна уже навела об этой Иволгиной справки. А для чего же тогда притворяться, что фамилию никак не вспомнит...

И кто, интересно, собрал для нее всю информацию об Агнии Иволгиной? Есть у хозяйки еще тайны от нее, Лизы, а это – непорядок. Так не должно быть. Это – угроза для ее положения. Ну, с этим она со временем разберется.

– Так что сама понимаешь, – продолжала Елена Юрьевна почти ласково, – что Иволгину шантажировать нечем. Отнять у нее работу и безупречную репутацию? Это уже было, и она с успехом вышла из этой ситуации. Нет, мы должны действовать наверняка, на этот раз без ошибок и досадных проколов.

Лиза мысленно пожала плечами.

– Для начала нужно узнать об этой Иволгиной все: в каких магазинах она одевается, в каких покупает продукты, в каком банке держит деньги и на каком счете, сколько платит за коммунальные услуги, с кем общается, какие фильмы любит смотреть, в какие рестораны ходить. И как мы это узнаем?

Лиза молчала, она всегда чувствовала, когда надо ответить, а когда – нет. Лучше всего просто помалкивать, делая вид, что внимательно слушаешь, и отвечать лишь на прямо поставленные вопросы, не проявляя несвоевременную инициативу.

² См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

Это тактика проверенная, она непременно дает свои плоды. Елена Юрьевна Лизу, несомненно, ценит. Но все же не доверяет до конца, в этом Лиза убедилась только что. Есть у нее еще люди, которые ей служат. Лиза уверена, что никому из них хозяйка тоже не доверяет до конца. И это хорошо, потому что доверять она должна одной Лизе. Рано или поздно Лиза этого добьется. И тогда...

Тогда она, Лиза, будет сидеть в центре паутины и незаметно дергать невидимые нити.

– Так как мы это узнаем? – повторила Елена Юрьевна. Лиза молчала (ученая уже, знает, что инициатива хозяйкой наказуема, и лучше помалкивать, пока тебя не спросили). – В современном мире правит Интернет, – сказала Елена Юрьевна назидательно, – с его помощью можно сделать если не все, то очень и очень многое.

«Если уметь», – Лиза поскорее опустила глаза, чтобы Елена Юрьевна не уловила ее недовольства. Сама она, конечно, разбиралась в компьютерах, но на уровне пользователя. Стало быть, привлекут специалиста. Но кого? Ладно, сейчас узнаем.

– Вот, возьми. – Елена Юрьевна вытащила из ящика стола потертую картонную папку, какие пропали из употребления еще в Лизином раннем детстве. – Ознакомься быстренько, – велела хозяйка.

На папке от руки написано было «Дело номер 306». Развязав засаленные тесемки, больше похожие на шнурки от ботинок, Лиза подавила брезгливость и перебрала аккуратно подшитые бумаги.

Папка, несомненно, была изъята из милиции. Тут и думать нечего, в углу каждого листа стоял фиолетовый штамп «Отд. милиции «Мутный Ручей».

– Что такое Мутный Ручей? – Лиза не сдержала удивления, увидев такое странное название.

– Поселок городского типа в Задуваевской области, – любезно пояснила Елена Юрьевна, – а Задуваевск – это довольно большой город в низовьях Волги. Ты не отвлекайся, вопросы задашь потом.

Лиза быстро перебрала бумаги. Кое-какие были написаны от руки на бланках, другие напечатаны, надо думать, на самой допотопной пишущей машинке.

Лента была старая, некоторые буквы плохо пропечатаны, некоторые приходилось печатать заново. Лиза невольно представила себе неопрятного потного дядьку, который печатает одним пальцем, почесываясь, чертыхаясь и поминая матушку.

Первоначально дело было возбуждено по поводу исчезновения некоего гражданина Вертухаева Леонида Ивановича, проживающего в поселке городского типа Мутный Ручей с женой и двумя ее детьми от первого брака.

«Вследствие алкогольного опьянения, по свидетельствам соседей...» – Лиза с трудом продиралась сквозь суконные фразы милицейских протоколов, но суть уяснила.

Судя по всему, Вертухаев был обычным пьяницей и скандалистом, поколачивал жену и детей, пропивал и так небольшую зарплату. В общем, ничего особенного собой не представлял. И совершенно непонятно, почему это давнее дело заинтересовало Елену Юрьевну. Но Лиза прекрасно знала, что та просто так ничего не делает, поэтому читала дальше, читала внимательно.

Вертухаев в субботу явился домой, как обычно, пьяный, жена его отсутствовала, так как находилась в районной больнице. Сын семнадцати лет навещал мать, а вернулся как раз к очередному скандалу. Дома была девочка тринадцати лет.

Соседи слышали громкие крики и стук кастрюль и тазов (посуду к тому времени Вертухаев уже всю перебил). Милицию не вызывали, незачем, да она все равно бы и не приехала – Вертухаева там знали как облупленного.

Потом все стихло, как показали брат с сестрой, Вертухаев ушел спать. Они тоже заснули, а утром обнаружили отсутствие отчима. Исчезли также из дома все деньги (их и было-то

немного), обручальное кольцо матери и золотой девочкин крестик. Больше не было в этом доме никаких ценных вещей.

Милиция посчитала, что Вертухаев сбежал из дома, ничуть не удивившись такому обороту дела. Через некоторое время мать вышла из больницы, а сыну подошел возраст идти в армию.

Оттуда он не вернулся – погиб в горячей точке. После получения страшного известия мать стала болеть еще сильнее и умерла перед тем, как дочка закончила школу.

Все это Лиза выяснила из короткой пояснительной записки, вложенной в папку. Была она не на служебном бланке, а на мятом листочке, криво вырванном из тетради в клеточку. Почерк, впрочем, был тот же самый, что и в служебных рапортах, подписанных смешной фамилией Калошин.

Дальше началось интересное.

Через пять лет после официального открытия дела об исчезновении гражданина Вертухаева была очень снежная, метельная зима. С заносами и сильными, пронизывающими ветрами. Весной сильно разлился тот самый Мутный ручей, который и дал название поселку. Во время половодья вода подмыла корни огромной сосны, что росла на обрывистом берегу, и та рухнула в речку.

После того как спало половодье рыбак, проплывавший мимо, заметил, что из песчаного крутого склона торчит человеческая рука с обтянутыми сухой кожей пальцами.

Когда через несколько дней милиция собралась обследовать страшную находку, труп уже обнажился наполовину. Опустили труп сразу, поскольку в песке он неплохо сохранился, несмотря на то что пролежал пять лет. Одежда хоть и сгнила, но не полностью, ботинки тоже, и даже удалось найти тонкую книжечку паспорта.

Записи, конечно, стерлись, но в лохмотьях, оставшихся от пиджака, нашли обручальное кольцо и золотой крестик. Череп трупа был здорово поврежден, и патологоанатом дал однозначный ответ – человека зарубили топором.

Родственников Вертухаева к тому времени в Мутном Ручье не осталось – девочка после окончания школы уехала в большой город учиться, так что труп опознали соседи.

И дело переквалифицировали в убийство.

Дальше снова шли многословные рапорты и медицинские заключения, и через некоторое время дело закрыли и отправили в архив за отсутствием подозреваемых. Особенно, впрочем, их и не искали – кому нужно всерьез расследовать смерть никчемного алкаша, да еще через пять лет...

И только в самом конце Лиза увидела нечто стоящее. Стенограмма не допроса, а разговора. С тем самым человеком, который подписывал большинство рапортов – П. Калошин.

Как видно, разговор с ним записан был на диктофон, а потом уже перенесен на бумагу. Листы были новые, хорошего качества, печать тоже, из чего Лиза сделала вывод, что беседа происходила не очень давно. Судя по всему, Калошин, в каком уж он был чине, в бумагах не говорилось, вышел на пенсию по выслуге лет. И рассказывал все человеку, который по поручению Елены Юрьевны проводил с ним беседу. Рассказывал за деньги или просто так, в ресторане посидели, он и разболтался. С пенсионера какой спрос?

Лиза внимательно прочитала некоторые места, отчеркнутые красным фломастером:

«Это они его прикончили, девчонка с братом. Я сразу понял, что никуда он не уходил из дома – куда ему идти? Он же алкаш был последний, на новом месте ни жилья, ни работы. А тут он все пропивал, их бил, они его боялись. Он вообще-то скотиной был жуткой, а когда пьяный, то уж и вовсе человеческий облик терял.

Уж на что у нас мужики пили, но этот такое устраивал... Жену бил смертным боем, парня тоже колотил, пока тот не вырос. Потом-то остерегался.

А тут, видно, пришел, никого нет, он и напустился на девчонку-то. Она утром вся в синяках была, но отвечала твердо – ничего, мол, не знаем, спать легли, а утром – нет его. А дома у них все переломано, а пол – чистый. И парень все молчал, глаза отводил.

Он, наверное, как увидел, что тот подонок с сестрой сделал, так и не выдержал, за топор схватился. А я еще заметил, что в снях топора нету. Но не стал внимание на этом заострять. Там к тому обрыву на речке от их крайнего дома как раз тропиночка идет.

Как уж они его перетащили, такого здорового, я не знаю. Девчонка-то махонькая была, в чем душа держится. Но характером твердая. Так что они его успокоили, это точно, больше некому. Если бы тогда нажать на парня посильнее, то он бы раскололся. Но зачем? Я так рассудил: кому от этого польза будет? Только начальству, процент раскрываемости повысится. Так пускай уж, думаю, люди по-человечески проживут без этого уroda. А вот и не выпало им счастья, парень погиб, и мать вскорости умерла. Девчонке, может, в жизни повезло...»

Лиза перевернула страницу и в самом конце увидела имя и фамилию – очевидно, той самой девочки. И адрес в Петербурге. Узнав улицу и номер дома, она подняла глаза на Елену Юрьевну.

– Да-да, это то, что нужно, – кивнула та. – Стало быть, завтра ты с ней поговоришь.

– О чем? Даже если это правда, насчет убийства, это случилось пятнадцать лет назад!

– Разумеется, – холодно сказала Елена Юрьевна, – но сейчас у нее совершенно другая жизнь – семья, престижная работа, друзья... И если все они узнают о ее прежней жизни, если все узнают о содержимом этой папки, то кто знает, как они отреагируют? Большинство, несомненно, отшатнутся. Она может потерять все. А сама знаешь – в такой ситуации люди на многое готовы...

– Значит, все-таки шантаж, – констатировала Лиза.

– Да, конечно, это очень хороший способ добиться от человека нужных действий. Надо только правильно выбирать объект. Эта женщина, несомненно, боится своего прошлого, пытается убежать от него, и сделает все, что ты скажешь, лишь бы прошлое ее не настигло. Ты убедишь ее, что у нее нет выбора. А сделать ей нужно вот что...

Самолет коснулся колесами бетонной полосы, покатился, постепенно снижая скорость. Пассажиры дружно зааплодировали пилоту. Агнию всегда раздражала эта странная традиция.

Наконец погасла надпись «пристегнуть ремни», все пассажиры поднялись с мест, захлопали дверцами, доставая ручную кладь с полок. Где-то в хвосте самолета громко захныкал ребенок. Павел подал Агнии ее сумку и курточку – в Петербурге было прохладно, особенно после Туниса.

Потом долго толпились в проходе – всем не терпелось выйти из самолета, а двери все не открывали. Наконец пассажиры спустились по трапу, доехали в автобусе до терминала, встали в очередь на паспортный контроль.

У Агнии возникло вдруг то странное и неприятное чувство, когда кажется, будто кто-то пристально и упорно смотрит тебе в спину. Она даже оглянулась, но никого не увидела. Только высокий смуглый мужчина в элегантном костюме, с чуть тронутыми сединой волосами, у нее за спиной разговаривал по мобильному телефону.

Павел прошел контроль первым и стоял, дожидаясь Агнию. Агния следом за ним подошла к окошечку контроля, протянула паспорт строгой девушке в форме. Та внимательно проглядела документ, защелкала клавишами компьютера. Слегка помрачнев, сняла трубку внутреннего телефона и что-то негромко проговорила. Выслушав ответ, замолчала, не глядя на пассажирку.

– Девушка, милая, нельзя ли поскорее? – напомнила о себе Агния, видя, что Павел нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

– Подождите, – ответила пограничница, не глядя ей в глаза.

- В чем дело? – забеспокоилась Агния. – С моим паспортом какие-то проблемы?
- Подождите, – повторила девушка еще строже.

В это время рядом с Агнией возник хмурый мужчина в штатском, взглянул на нее с интересом и проговорил:

- Пройдемте со мной.
- Куда? Зачем? – удивленно спросила Агния.
- Пройдемте! – повторил мужчина сухим казенным голосом и твердо, властно взял ее за локоть.

– Это какое-то недоразумение! – Агния попыталась вырваться, но мужчина сжал локоть, как клещами.

- Вот мы и разберемся! Не будем мешать остальным пассажирам!
- А мой паспорт?
- Ваш паспорт у меня!

Он вывел ее в коридор и повел не туда, куда шли остальные пассажиры с их рейса, а направо, к двери без всякой таблички.

Агния увидела Павла, его удивленный и растерянный взгляд и выпалила:

– Это какое-то недоразумение! Позвони... – Она замолчала, не зная, кому, собственно, нужно звонить и что же происходит.

А мужчина, который вел ее за локоть, нахмурился пуше прежнего и прошипел:

– Замолчите!

В ту же секунду он втолкнул ее в дверь.

Они оказались в небольшой, ярко освещенной комнате без окон, где стояли два стола с компьютерами и несколько стульев. За одним из столов сидел, уставившись в экран компьютера, симпатичный парень в светлом пиджаке. Он оторвался от своего компьютера, взглянул на Агнию, потом на ее хмурого спутника, широко улыбнулся.

– Вот она, Иволгина! – проворчал хмурый тип и вышел из комнаты.

– Это какое-то недоразумение! – проговорила Агния, постаравшись взять себя в руки. – Вы меня с кем-то перепутали!

– Это вряд ли. – Парень широко улыбнулся, как будто удачно пошутил. – Мы никогда никого не путаем. У нас это не принято. Вы ведь – Агния Львовна Иволгина?

– Да, это я.

– Ну, согласитесь – не самое распространенное имя!

– И что с того, что я Иволгина?

– А то, Агния Львовна, что вы находитесь в международном розыске. Не каждый день мне попадается птица такого полета!

– Ох, ничего себе! – Агния выпучила глаза от изумления, ноги у нее подогнулись, и она опустилась на стул.

Она была далеко не из пугливых, но все происходящее настолько поразило ее, настолько выходило за рамки нормальной жизни, что Агния потеряла дар речи.

– Да, вы можете сесть! – запоздало предложил веселый парень. – И сумку вашу позвольте!

Она машинально протянула ему свою сумку.

Парень положил ее на стол, оглядел со всех сторон, потом вытряхнул из нее содержимое и принялся рыться в нем.

Агния смотрела на его руки. Быстрые, подвижные, они жили своей собственной жизнью, отдельной от человека, они жадно рылись в ее вещах, и в этом было что-то неприличное.

– В чем же меня обвиняют? – проговорила Агния, справившись наконец со своим изумлением.

– Это вы узнаете своевременно или немного раньше, – отозвался парень равнодушным голосом, внимательно разглядывая тюбик губной помады, – или немного раньше...

Он снял с тюбика колпачок, вывернул малиновый столбик помады и задумчиво посмотрел на него.

– Эй, помада-то моя вам зачем? – фыркнула Агния.

– Это какая фирма? – осведомился парень.

– Шисейдо.

– Хорошая?

– Ну, хорошая! Да что вы мне зубы заговариваете? – возмутилась Агния. – В чем вы меня обвиняете? Извольте ответить или отпустите меня немедленно!

– Ой, как вы заговорили! – делано испугался парень. – Только знаете, придется вам немножко потерпеть. Скоро вас отвезут в другое место, и там уже вам предъявят обвинение! Ой, а это что такое?

В руках у парня был маленький бумажный пакетик. Он развернул его с опаской и вертел теперь в руках медный шарик с кисточкой. Шарик был старый, позеленевший, но можно было рассмотреть красивую чеканку – сложный восточный орнамент, переплетающиеся узоры. Верблюжий колокольчик. Тот самый, который Павел откопал в старой лавке.

Как этот колокольчик оказался у нее в сумке? Очевидно, Павел положил ей его. Хотел сделать подарок на память? Но они вроде не собирались расставаться. То есть об этом речи не было. Значит ли это, что Павел решил больше с ней не встречаться? Как это пелось в старой песенке: «Мы отпуск вместе провели – и больше ничего...»

Господи, о чем она думает? Ведь у нее неприятности, огромные неприятности, а она...

– Так что это такое? – повторил парень.

– Сувенир, – сухо ответила Агния, – верблюжий колокольчик.

– А почему не брякает? – Парень потряс шарик.

– Закреплен, чтобы в самолете не беспокоил.

Агния и сама удивилась, когда Павел показал ей колокольчик, решила, что он сломан. Но сейчас ничего не сказала, решив не вмешивать в разговор Павла. Еще не хватало, чтобы его тоже прихватили.

Господи, она уже думает, как настоящая преступница, она же ни в чем не виновата!

– Бред какой-то... – Агния потеряла виски, наливавшиеся болью. – Я могу позвонить? Мне ведь, кажется, полагается один звонок!

– Вы, Агния Львовна, голливудских фильмов насмотрелись! – усмехнулся парень. – Еще раз повторяю, вам придется немного подождать, скоро за вами приедут. Да, сумочку свою пока можете взять, там, куда вас привезут, ее захотят проверить...

Он сгреб все со стола обратно в сумку, сделав исключение для помады. Опять внимательно оглядел тюбик и бросил его туда же. Повертел еще раз колокольчик, убрал его в бумажный пакет и тоже сунул в сумку. Потом нажал незаметную кнопку на столе.

Дверь в ту же секунду открылась, и в комнату вошел прежний хмурый тип.

– Отведи ее пока в шестнадцатую! – распорядился веселый парень.

– Так там же у нас Филимонов! Он тоже транспорта ждет.

– Ой, правда! Ну, да ничего, скоро за ними приедут, пускай вместе подождут, авось не подерутся! – Веселый парень хохотнул.

Его подчиненный повернулся к Агнии и строго проговорил:

– Руки!

– Что? – переспросила она удивленно, но тут же поняла, послушно протянула руки. Хмурый защелкнул на ее правом запястье браслет наручников, второй замкнул на своей левой руке.

Они вышли в безлюдный коридор, прошли по нему мимо нескольких дверей без всяких надписей, остановились перед одной из них.

Хмурый открыл дверь ключом, вошел внутрь вместе с Агнией.

Комната была почти такая же, как первая, только в ней не было столов с компьютерами.

В глубине этой комнаты сидел на стуле грузный темноволосый мужчина лет пятидесяти. Он сидел как-то скособочившись, и Агния, приглядевшись, поняла, почему – его рука была прикована к стояку отопления.

– Соседку тебе привел, Филин! – насмешливо проговорил спутник Агнии.

Тот, кого он назвал Филином, мрачно взглянул на них и не сказал ни слова. Конвоир провел Агнию в другой конец комнаты, пристегнул ее наручники к такой же трубе и вышел, предварительно сказав:

– Ну, не скучайте, голубки! Скоро за вами приедут!

Едва дверь за ним закрылась, мужчина исподлобья взглянул на Агнию и спросил:

– Ты кто такая?

– А ты кто такой? – огрызнулась она.

– Ты не кипятись, – проговорил тот примирительно, – ты же слышала, он меня назвал Филином. Значит, ты знаешь, кто я такой. Меня, можно сказать, представили.

– Филин – это что? Фамилия, кличка или видовая принадлежность?

– Кончай умничать! Так кто же ты такая? За что тебя взяли? Контрабанда?

– По недоразумению!

– Ну, не хочешь отвечать – твое дело! – Филин пожал плечами. – У нас свободная страна. Но только если мы с тобой одного транспорта ждем – значит, тебя тоже повезут в управление. И значит, ты – человек серьезный...

– Говорю же вам – меня задержали по недоразумению! Меня с кем-то перепутали!

Агния услышала в своем голосе истерические надрывные нотки и замолчала, чтобы еще больше не распуститься, не показать перед посторонним человеком свою слабость. Хотелось кататься по полу, выть по-звериному и биться головой о стену. Ничего этого сделать она не могла, поскольку была прикована к батарее. Поэтому она громко сглотнула и сжала зубы, прислонившись затылком к холодной стене.

– Ну-ну... – Филин взглянул на Агнию с интересом и замолчал.

В комнате наступила тишина.

Холод от стены немного освежил пылающую голову Агнии, даже в висках перестало стрелять. Она не успокоилась, но попыталась рассуждать здраво.

Эти, из паспортного контроля, ничего не выдумали. Они на это просто не способны. И ни с кем ее не перепутали. Очевидно, у них в компьютере произошел сбой, и они посчитали ее международной террористкой. Или контрабандисткой. Или еще кем-то. Так что, когда ее привезут в это самое неизвестное управление, там разберутся. Надо думать, что у них компьютеры не сбоят. А пока следует успокоиться и помалкивать. Не скандалить, вести себя сдержанно, а то еще накостыляют, с них станется. И ничего от этих не требовать, все равно не дадут. Ишь как парень этот развеселился, когда про звонок телефонный услышал.

Она тоже сообразила – кому ей звонить-то? Никого у нее нету, не к кому обратиться.

Маме? Так она не поверит, начнет ей выговаривать, стыдить, возмущаться – в общем, ничем не поможет. Больше у нее никого близкого нет, да и с мамой они давно уже разошлись, давно не виделись, перезваниваются редко.

Агния вздохнула и стала думать, как она дошла до такой жизни. Надо же, в трудную минуту даже не к кому обратиться! Никто не прибежит, не поможет, не спасет, не вытащит из беды. Да что там, если она сейчас пропадет, просто исчезнет, никто и не шелохнется.

А что, вдруг эти, из какого-то мифического управления, ее арестуют? Посадят в камеру и забудут про нее. Хотя бы на неделю, а то и больше. И кто забеспокоится? Кто станет ее искать, обзванивать знакомых и больницы, кто не будет спать ночами, кто будет вздрагивать от каждого телефонного звонка, кто будет в панике метаться по городу, кто все это будет делать?

Да никто, тут же ответила себе Агния. Спихватятся через несколько дней только сотрудники. И то вряд ли. Ведь она в своей фирме наемный директор, так подчиненным даже лучше,

что ее на работе нет. Есть же такой анекдот: каким образом по одной путевке могут отдохнуть двадцать человек? Если ее дать директору фирмы. В отсутствие директора сотрудники чудно проведут время.

Так что взволнуется, может быть, лишь ее работодатель Солуянов. Впрочем, кажется, сейчас он в отъезде.

Вот так вот. Вроде бы все у нее было в порядке – образованная, независимая, пользующаяся авторитетом среди коллег, притом сама всего добилась, карьере, как у нее, в таком возрасте сделать непросто. И никто ей не помогал, все сама, никакого блата, она и правда грамотный специалист в своем деле, то есть в антиквариате, разбирается отлично. Денег зарабатывает достаточно, квартира у нее очень приличная, насчет внешности – как говорится, все при ней...

И что? Да ничего. Вот случилось с ней... непонятно что, только ясно, что беда, а обратиться не к кому.

Ну ладно, что без толку переживать, нужно взять себя в руки и успокоиться. Все решения надо принимать лишь на холодную голову, учил ее дед.

Вспомнив про деда, Агния ощутила, как привычно сжалось сердце. Был бы он жив, разве так повернулась бы ее жизнь?

Они жили вместе – два близких, родных человека, понимающих друг друга с полуслова. Дед с детства был для нее всем. Ее отец рано умер от болезни сердца, и бабушка тоже, дед после ее смерти не женился и всю любовь сосредоточил на Агнии.

Он часто брал ее к себе на выходные, водил по городу и в музеи, с этого и началось ее увлечение старинными вещами. Дед и сам был замечательным специалистом и уважаемым коллекционером, одним из лучших в городе.

Он научил внучку всему, чему мог, а самое главное – привил ей любовь к красивым старинным вещам. Внушил ей, что у таких вещей есть душа, что в них хранится частица времени, частица истории.

Агния закончила школу и переехала к деду насовсем. Мама не возражала, даже обрадовалась, у нее появилась возможность устроить, наконец, свою собственную личную жизнь.

Это ее любимые выражения – личная жизнь, личное счастье, семейный очаг. Как в женских журналах пишут. Она и Агнии пыталась внушить уважение к семейным ценностям (опять-таки ее выражение), да не слишком в этом преуспела.

Не то чтобы Агния не придавала значения этим вещам, просто смотрела на них несколько иначе. Мама не тот человек, который будет прислушиваться к аргументам собеседника, так что Агния просто перестала обсуждать с ней такие проблемы. Еще в школе она зареклась знакомить маму со своими кавалерами. Да и было их немного, потому что Агнии интересно было учиться. С дедом они жили прекрасно.

Агния успешно окончила университет, потом начала работать, строить свою карьеру, создавать репутацию, и вот два года назад случилось страшное.

Агния примчалась домой по звонку соседки – мол, дверь у вас открыта и никто на звонок не отвечается.

Агния нашла деда на полу в кабинете в луже крови. Его убили, убили жестоко и беспощадно. Не с целью ограбления, потому что ничего, в общем, в квартире не пропало, хоть и было что взять.

С тех пор что-то надломилось в ней, Агния стала другим человеком. Убийцу так и не нашли, а на нее нахлынуло одиночество.

Пустых отношений она не хотела, а серьезно никто не нравился. Да и некогда было, все время отнимала работа. В работе можно было забыться. И это помогало.

Потихоньку она пришла в себя, помогла тогда подруга Анька, была с ней рядом. Потом нахлынули странные, таинственные события, которые привели к тому, что у нее оказался очень древний и очень ценный синий сапфир, у него даже было собственное имя «Сердце Запада»³.

Из-за этого сапфира случилось с ней множество опасных приключений, затем жизнь наладилась, а через три месяца снова поднесла ей сюрприз: Агния оказалась замешана в деле об убийстве, которое тоже связано было с драгоценным камнем. Очень древний и очень ценный желтый топаз, тоже со своей историей и со своим собственным именем – «Заря Востока».

Агния думала тогда, что все произошло случайно, но ей объяснили, что это не так, что у этих камней есть не только собственное имя, но и собственная судьба, и их судьба переплелась с ее судьбой. В результате и второй камень оказался у нее.

Вот такое вот удивительное вмешательство судьбы. Агния перестала ломать голову, в чем там дело, просто приняла все случившееся как данность.

Впрочем, не все. Убийца, умирая, сказал ей страшные, незабываемые слова:

«Хочешь знать, кто убил твоего деда? Спроси свою подругу...»

И все, после этого он умер, заронив в ее сердце страшные подозрения. Потом в одиночестве, в тишине своей квартиры, Агния долго думала над этими словами. Кого он имел в виду? А может быть, это все он сказал нарочно, для того чтобы навеки лишить ее покоя? Но ведь перед смертью не лгут...

Такие мысли не способствуют хорошему настроению и бодрости. Так что Агния нечасто предавалась размышлениям. Она крутилась на работе, как белка в колесе, и когда накопилась огромная усталость, поняла, что пора в отпуск. Куда угодно, лишь бы к теплому морю. И чтобы никого из знакомых рядом.

Она купила путевку в Тунис – поздней осенью там очень хорошо. Два дня только валялась под зонтиком и купалась в неправдоподобно теплом море. На третий день познакомилась с Павлом. Они столкнулись в отеле у лифта. Кажется, Агния что-то уронила, они оба наклонились, чтобы поднять, и стукнулись лбами. Не так сильно, чтобы искры из глаз, но все же ощутимо. Посмотрели друг на друга, потирая лбы, и рассмеялись.

В общем, классическое знакомство, как в кино.

Они пошли на пляж, потом поближе познакомились и с тех пор проводили время вместе.

Не то чтобы Павел очень ей понравился – внешне он был ничем не примечателен. Не было в лице и фигуре у него никаких недостатков, но и особенных достоинств не наблюдалось, все оказалось какое-то среднее. Ничем не примечательный мужчина.

Так думала Агния сначала. Потом он ей понравился – не нахальный, не грубый, они много разговаривали, точнее, говорил он, а она слушала. Или делала вид. Он по профессии был археологом, рассказывал о раскопках, в которых участвовал.

Агния внимательно следила, чтобы не задавать вопросы по существу, не показывать свое знание предмета. Потому что она-то про себя ничего ему не рассказала. То есть не сказала правды, что она – директор крупной фирмы по торговле антиквариатом.

Так она решила, собираясь в отпуск. Ни к чему выбалтывать малознакомым людям про себя ничего важного. Вот представишься по форме, как оно есть – и сразу человек посмотрит на тебя по-иному. Будет видеть не симпатичную молодую женщину на отдыхе, а озабоченную делами строгую начальницу, привыкшую орать на подчиненных. Некоторых это отпугнет, других, наоборот, может привлечь, но все будет уже очень непросто.

Так что Павлу она сказала, что работает менеджером среднего звена. Тут получилось неудобно. Она забыла, какую фирму назвала – просто так, что называется, от балды. Не то «Капитал-сервис», не то «Капитал-плюс». Поэтому пришлось тщательно обходить этот вопрос.

³ См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

Но, как уже говорилось, Павел не расспрашивал о ее жизни, больше рассказывал о себе. Точнее, развлекал ее разными историями из своей археологической практики. А о себе сказал только, что не женат и детей нет. Агния сделала вид, что ей интересно.

Как ни странно, он понравился ей тем, что не пытался форсировать события. То есть не пытался затащить ее в постель.

У нее давно не было секса, но все же не дошла она до такого, чтобы прыгнуть в постель к первому попавшемуся мало-мальски привлекательному мужику, хоть бы и в отпуске.

Откровенно говоря, ей просто было лень заводить отношения. Так приятно было валяться на пляже и сонно кивать головой в ответ на незначительные вопросы Павла. Ну, не угадает она с ответом, так что взять с офисной недалекой девицы...

Поначалу он было попробовал – обнять, прижать к себе и все такое. Агния еле заметно отстранилась, и ей понравилось, что он понял. Не переметнулся, не бросился подбивать клинья к другим, чтобы отпуск не пропал, а остался с ней. Агния не слишком бы расстроилась, если бы он не принял ее правила игры, однако его поведение ей импонировало. Стало быть, не чурбан.

Вечерами после ужина они танцевали и слушали музыку на открытой террасе, иногда ездили в Старый город, бродили по узким грязноватым улочкам, заглядывали в темные тесные лавочки, куда зазывали гортанными голосами смуглые мужчины.

Агния делала это, чтобы спастись от жары, она ничего не хотела покупать. Все, что предлагалось, было дешевой подделкой для невзыскательных туристов. Павел, напротив, утверждал, что на восточном рынке можно найти по-настоящему редкую вещь. Якобы в его практике были такие случаи.

Однажды Агния потерялась.

Они шли с Павлом вдвоем, держась за руки, как подростки, и вдруг на них налетела толпа смуглых людей – мужчины, женщины, дети. Все они кричали, протягивали руки, дергали Агнию за одежду, что-то пели заунывно, так что у нее голова пошла кругом.

Ей показалось, что сейчас этот вихрь, где мелькали пестрые юбки, голые смуглые руки, звенели мониста, развевались платки, что сейчас этот вихрь подхватит ее и унесет далеко-далеко, откуда нет возврата. Она пыталась вырваться, но толпа не пускала.

А потом все прошло. Толпа испарилась, как не было. На улочке стало тихо и пусто, даже двери лавочек закрыты.

Агния растерянно огляделась и поняла, что она одна, что Павел куда-то исчез, возможно, его смыло цыганской волной. Но не мог же он бросить ее здесь одну. Она пошла вперед, куда они направлялись, но скоро уперлась в стену. Повернулась и пошла назад, свернула вправо, попыталась определить, где же выход из этого лабиринта.

Спросить дорогу было не у кого, город как вымер, навстречу попадались только худые остромордые кошки. Кошки были какие-то ненастоящие – если туловище, допустим, в черных и белых пятнах, то морда рыжая, а хвост вообще полосатый. Было такое ощущение, что каждую кошку сделали минимум из трех.

И вот, когда Агния почти потеряла надежду выбраться из этого лабиринта, когда она впала в отчаяние, откуда-то сбоку, из самой обшарпанной двери, выскочил Павел. В руках у него был бронзовый, потемневший от времени шарик.

– Смотри, что я нашел! – закричал он, как будто они расстались только на секунду. – Это верблюжий колокольчик, очень старый.

Агния взяла вещь в руки, колокольчик показался ей необычайно тяжелым. Он не брэнчал, но она не стала спрашивать, почему. Недолго подержала его в руках и отдала Павлу, попрощавшись в отель. Не стала рассказывать ему о своем неприятном переживании, не стала ему выговаривать, что бросил одну – зачем? Не такие у них отношения, да и не хотелось ссориться и портить последние дни отпуска.

Через три дня они улетели, Павел поменял свой билет, чтобы лететь с ней. И вот здесь, можно сказать, дома, ее прихватил паспортный контроль. И Павел ничего не сделал, а что он мог? Только смотрел на нее с таким странным выражением – неужели он поверил, что Агния и правда находится в международном розыске? Ужас какой! Хотя... не об этом нужно сейчас думать.

Агния пошевелилась, потому что затекла рука. И перехватила внимательный взгляд Филина. Он только делал вид, что дремлет, а сам наблюдал за ней с несомненным интересом.

Зачем? Непохоже, что от скуки.

Прошло около получаса, и дверь снова распахнулась. Вошел прежний хмурый тип, следом за ним – двое мужчин с одинаково непроницаемыми лицами. Только один был блондин в мешковатом костюме, а второй – брюнет в стеганой куртке.

– Вот они, – проговорил хмурый с заметным облегчением, – Филин... то есть Филимонов и Иволгина. Передаю вам задержанных. Распишитесь... – Он протянул разграфленный листок, и один из непроницаемых поставил на нем свою подпись. После этого Агнию и Филина отстегнули от труб и вывели в коридор. Агнию придерживал за локоть брюнет, коснувшись ненароком его плечом, она ощутила налитые мускулы. Да, от такого не убежишь... Впрочем, она и не собиралась.

Все четверо какое-то время шли по коридорам и лестницам аэропорта, спустились вниз, вышли во двор. Там их дождался черный микроавтобус без окон. Агнию и Филина втолкнули внутрь через заднюю дверь микроавтобуса, приковали наручниками к проходившей под потолком металлической трубе.

Пассажирский отсек был отделен от кабины прочной стенкой. Двери с лязгом захлопнулись, микроавтобус плавно тронулся с места, набрал скорость.

Через какое-то время он притормозил – наверное, выезжал с территории аэропорта.

Впрочем, Агния могла лишь гадать – из заднего отсека ничего не было видно.

Охранники сидели с непроницаемыми лицами.

Агния хотела что-то у них спросить – но поняла, что с таким же успехом может задавать вопросы запасному колесу или обитому искусственной кожей сиденью.

Она никак не могла поверить в реальность происходящего.

Только что, какой-нибудь час назад, она возвращалась домой из отпуска, перебирала в уме накопившиеся дела – кому позвонить, кого проконтролировать, кого вызвать на ковер, потому что точно знала, что порученное дело не выполнено.

Все пошло прахом. И вот она едет, прикованная наручниками, в микроавтобусе без окон...

Нет, это не может быть правдой!

Рука, за которую она была прикована, затекла. Агния пошевелила пальцами, пытаясь разогнать кровь, но стало только больнее. Она поморщилась и перехватила взгляд Филина.

– Эй, подруга, посмотри, сколько времени! – проговорил тот. – У меня, видишь, часы где, мне не видно.

И правда, дорогие швейцарские часы были у него на правой руке, прикованной под потолком автобуса, так что он не мог сам на них посмотреть.

Агния взглянула на свои часы и ответила:

– Четверть девятого.

– Задержанные, отставить разговоры! – строго рявкнул блондин в плохо сидящем костюме.

В машине снова наступила тишина.

Вдруг микроавтобус резко вильнул в сторону, накренился и упал на бок. Раздался скрип тормозов, металлический скрежет, звук бьющегося стекла.

На какое-то мгновение Агния, должно быть, потеряла сознание, но тут же пришла в себя и осознала, что лежит на спине, точнее, висит, подвешенная на стальном браслете наручников. Рядом с ней в таком же положении находился Филин. Интересно, что он не выглядел ни удивленным, ни испуганным, как будто заранее предвидел такое развитие событий.

Внизу, у них под ногами, стонал раненый охранник – тот самый, в костюме. Брюнет не издавал ни звука, Агния видела, как по его светлой куртке расплзается красное пятно, и вздрогнула.

Она поняла, что их с Филином спасло то, что они были прикованы наручниками к стальной трубе – стальные браслеты сыграли роль ремней безопасности.

Вдруг задние двери микроавтобуса открылись, внутрь заглянул тощий долговязый человек с оттопыренными ушами. Он окинул внутренность машины взглядом, увидел Филина и ухмыльнулся:

– Здоров, Филин! Как добрался?

– Опаздываешь, Домкрат! Ты должен был в восемь двадцать начать, а сейчас сколько? – Филин говорил с натугой, но твердо.

– Пробки! – ухмыльнулся долговязый и поднял огромные кусачки.

Этими кусачками он перекусил трубу, к которой был прикован Филин. Тот сдернул наручники и с кряхтеньем полез к двери.

Агния с изумлением следила за происходящим. Прежде чем выбраться из микроавтобуса, Филин оглянулся на нее и проговорил:

– А ты что – так и будешь здесь сидеть?

Эти слова сработали, как запал: Агния тоже сдернула наручники с перекушенной трубы и пулей выскочила из машины, прижимая к себе сумку.

Выскочив наружу, она растерянно огляделась.

Черный микроавтобус лежал на боку, перед ним стоял мусоровоз с разбитым капотом. Мостовая была усеяна битыми стеклами и потеками бензина.

Вокруг начинали собираться зеваки. Долговязый тип, который вытащил их из автобуса, стоял чуть в стороне, рядом с Филином, и словно чего-то ждал. В толпе за его спиной мелькнуло знакомое лицо – высокий смуглый мужчина с темными, чуть тронутыми сединой волосами. Агния попыталась вспомнить, где она его видела, но не смогла.

Вдруг из-за угла донеслось истеричное завывание sireны, и тут же появилась машина «Скорой помощи». Филин со спутником бросились к ней. При этом Филин споткнулся, едва не упав, его лицо заметно побледнело, движения стали неуверенными – должно быть, во время аварии он ударился головой, в первый момент его поддерживал адреналин, а теперь этот удар дал о себе знать.

Долговязый поддержал его, помог идти дальше. Дверцы «Скорой» распахнулись, Филин полез было внутрь, но в последний момент остановился, оглянулся на Агнию и проговорил:

– Что стоишь? С нами поедешь!

Агния продолжала стоять в полной растерянности, не зная, что делать, – события развивались слишком быстро, слишком непредсказуемо, она не успевала на них реагировать.

Долговязый, которого Филин назвал Домкратом, втолкнул шефа в машину и в два шага оказался возле Агнии.

– Слышала, что шеф сказал? – проговорил он раздраженно. – Полезай в машину! С нами поедешь!

– С какой стати? – заартачилась Агния. – Никуда я не поеду!

– Некогда мне с тобой возиться! – рявкнул Домкрат. – Через три минуты здесь будут менты!

Он схватил ее за плечо, подтащил к машине с красным крестом и втолкнул внутрь. Агния особенно не сопротивлялась: у нее кружилась голова, да и вообще она была ошарашена бурным потоком обрушившихся на нее событий.

Едва дверь захлопнулась за ней, «Скорая» сорвалась с места и помчалась с диким завыванием сирены.

Агния перевела дыхание и огляделась.

Филин лежал на носилках, бледный, как полотно. Глаза его были закрыты. Домкрат сидел рядом, тревожно поглядывая на шефа. Кроме него, в машине находился крепкий загорелый парень с бритой наголо головой и с татуировкой на шее, и еще водитель.

Перехватив ее взгляд, бритый парень зло сощурился. Агния поскорее опустила глаза, решив подумать обо всем в более спокойной обстановке. И не задавать никаких вопросов, в такой ситуации, как известно, меньше знаешь – крепче спишь.

«Скорая» неслась по городу под оглушительный аккомпанемент сирены. Затем водитель выключил сирену и снизил скорость. Они проехали еще немного и остановились перед железными воротами. На этих воротах красовалась фигурная вывеска: «Ресторан «Дворянская усадьба».

Ворота открылись, машина плавно въехала внутрь и снова остановилась.

За воротами был ухоженный фруктовый сад, посреди которого стоял красивый двухэтажный дом, действительно напоминающий старинную помещичью усадьбу.

Дверцы открылись, в машину заглянул подтянутый черноволосый мужчина с маленькой стильной бородкой и желтыми, как у тигра, жадными глазами.

– Что с Филином? – спросил он, обежав взглядом внутренность машины.

– Видно, головой ударился, – неохотно проговорил Домкрат, – отлежится и будет в полном порядке.

Желтые тигриные глаза вспыхнули.

– Отлежится, говоришь? – процедил желтоглазый, разглядывая бледное лицо Филина. Взгляд у него при этом был, как у стервятника, приглядывающегося к раненому животному.

– Отлежится! – повторил Домкрат, сунул руку за пазуху и переглянулся с бритоголовым парнем.

– А что ты дергаешься? – Желтоглазый усмехнулся. – Отлежится так отлежится! А это кто такая? – Он кивнул на Агнию, словно она была неодушевленным предметом.

– Ее вместе с Филином перевозили. Филин велел ее с собой взять.

– А на кой она нам нужна?

– Филин велел! – повторил Домкрат, повысив голос. На лице его заиграли желваки.

– Ну, велел так велел. – Желтоглазый снова усмехнулся и исчез.

Домкрат повернулся к своим спутникам и сказал негромко:

– Несите шефа в дом!

Те вытащили носилки с Филином из машины и понесли его к дому. Агния тоже выбралась наружу, растерянно огляделась. Домкрат пристально взглянул на нее и приказал:

– Иди в дом!

Она хотела было возразить, покосилась на ворота, но Домкрат сузил глаза и прошипел:

– Иди, я тебе сказал!

Агния вздрогнула и послушно зашагала к дому, поднялась на крыльцо и оказалась в полутемном холле.

Домкрат вошел следом за ней, поманил пальцем толстого парня в кожаной куртке и приказал:

– Отведи ее в зимний сад, пригляди за ней! Глаз с нее не спускай! И смотри, чтобы ее никто и пальцем не тронул!

– Как скажешь! – Толстяк равнодушно взглянул на Агнию и повел ее по полутемному коридору.

На полпути открылась какая-то дверь, оттуда выглянул желтоглазый человек с бородкой и посмотрел на Агнию. От этого взгляда по спине Агнии пробежал ледяной озноб. Желтоглазый остановил толстяка, что-то прошептал ему на ухо. Тот хмуро усмехнулся и пожал плечами. Желтоглазый еще что-то сказал вполголоса и исчез за дверью.

Наконец они оказались в большой светлой комнате с огромными окнами, заставленной кадками с пальмами, фикусами и другими экзотическими растениями. Под самой большой пальмой с перистыми листьями стоял диванчик на изогнутых звериных лапах. Диванчик был обит материей в желтую и синюю полоску. Толстяк кивнул на него Агнии и проворчал:

– Посиди тут пока!

Агния села на диван, толстяк устроился на стуле возле двери и закурил, отвернувшись.

Агния уселась поудобнее и обхватила себя за плечи, потому что, несмотря на влажное тепло в зимнем саду, ее бил озноб. Усилием воли она заставила себя успокоиться и собралась с мыслями.

Что же творится с ее жизнью?

Сначала ее по непонятной причине задержали в аэропорту, допросили и отправили в какое-то таинственное управление. Якобы она находится в розыске.

Агния не сомневалась, что это – какая-то ошибка, дикое недоразумение и рано или поздно все разъяснится. Но на этом ее неприятности не кончились, по дороге в управление на машину напали, и теперь она попала в лапы какой-то криминальной группировки, и ее жизнь, несомненно, висит на волоске. Особенный страх внушал ей желтоглазый тип. Для чего Филин велел взять ее с собой? Чтобы она ничего не рассказала полиции. Но сейчас, когда она знает, что бандитское логово находится в этой самой «Дворянской усадьбе», она тем более для Филина опасна! Теперь ее точно не выпустят отсюда живой.

Что делать?

Во всяком случае, не сидеть сложа руки, не ждать, пока эти бандиты решат ее судьбу!

У нее в голове сложился план – не план даже, а какое-то жалкое подобие плана, но это все же лучше, чем ничего.

– Эй! – окликнула Агния своего толстого тюремщика. – Эй, как тебя зовут?

– А тебе-то что? – хмыкнул тот. – Ну, допустим, Серега!

– Серега, мне в туалет надо!

– Не велено! – отрезал тот. – Сиди!

– Да ты что? Будь человеком! Мне очень надо!

Охранник вздохнул, почесал в затылке, наконец затушил сигарету и встал:

– Ладно, черт с тобой, пошли!

Агния встала, взяла свою сумку, прижала к груди.

– Э, нет! – нахмурился охранник. – Сумку оставь! Кто тебя знает, что у тебя там!

Она искоса взглянула на него, недовольно фыркнула, положила сумку на место, порадовавшись, что заранее достала оттуда кошелек с банковской карточкой и мобильный телефон.

Охранник вывел ее из зимнего сада, провел по полутемному коридору к одной из дверей, на которой был нарисован женский силуэт, открыл ее и остановился в дверном проеме. За дверью была большая, вполне современная туалетная комната. Взгляд Агнии остановился на окне с матовым стеклом.

– Ну, заходи! – проговорил Сергей, вальяжно облокотившись на притолоку.

Агния зашла внутрь, повернулась к охраннику:

– Ты что, так и будешь здесь стоять?

– Ага! – Тот ухмыльнулся. – Мне велено с тебя глаз не спускать! Ни на минуту!

– Слушай, Серега, ты мужик или непонятно что? Как ты можешь так с женщиной обращаться? Я не могу при тебе...

Охранник что-то невнятно пробурчал, но все же вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Агния быстро огляделась. Мельком она взглянула на свое отражение в зеркале и пришла в ужас – растрепанные волосы, черное пятно на щеке, карман у куртки оторван. Она немного пригладила волосы и стерла грязь, на большее у нее не было времени. Агния увидела в углу ведро и прислоненную к стене швабру, засунула эту швабру в дверную ручку, чтобы заблокировать дверь. Конечно, это совсем ненадолго задержит преследователя, но позволит ей выиграть хотя бы полминуты, которые могут стать решающими...

После этого она схватила ведро, шагнула к окну и с размаху ударила ведром в стекло. Стекло брызнуло веером осколков, Агния вскочила на подоконник и спрыгнула на землю. За ее спиной тут же послышались удары в дверь.

– Открой! – рычал за дверью ее незадачливый охранник. – Открой, убью!

– Дождись, урод тряпичный, – процедила Агния.

Она метнулась в сторону от окна, пробежала среди деревьев и кустов и оказалась возле ограды. На ее счастье, неподалеку была калитка. Она кинулась к ней, приподняла заржавленную щеколду и выскочила за ограду. Захлопнув калитку за собой, бросилась наутек.

За оградой оказалась безлюдная улица. Навстречу шел единственный прохожий, потерянный мужичок средних лет. При виде Агнии он попятился и перешел на другую сторону.

Тут она увидела подъезжающую маршрутку, махнула рукой.

Маршрутка остановилась, Агния вскочила в нее, закрыла за собой дверь.

Маршрутка сорвалась с места.

Водитель взглянул на Агнию подозрительно и проговорил:

– Оплата при входе!

Видимо, ее внешний вид не внушал доверия. Вспомнив вид в зеркале, Агния не могла с ним не согласиться.

– Да, конечно... – пробормотала она и полезла в кошелек.

Тут ее ожидал неприятный сюрприз: в кошельке у нее не оказалось денег. Она прекрасно помнила, что, когда садилась в самолет, там оставались какие-то деньги – и доллары, и евро, и наших немножко в дальнем отделении, сейчас же кошелек был пуст.

Кто же ее обчистил? Неужели тот тип в аэропорту, который проверял содержимое ее сумки?

Она вспомнила, как он перебирал вещи в ее сумке, как его руки действовали самостоятельно, как два живых, отдельных от него существа, и невольно вздрогнула.

К счастью, банковская карточка осталась на месте, значит, проблем с деньгами у нее не будет, вот только в маршрутке не принимают оплату картой...

– Будешь платить? – спросил водитель, постепенно накаляясь.

– Понимаете, меня, кажется, обокрали... – неуверенно проговорила Агния.

– Обокрали, да? – процедил водитель неприязненно. – Ты думаешь, если я не местный, то я совсем дурак, да? Если платить не будешь, выходи! Бесплатно мы не возим! Нету такого закона, чтобы бесплатно возить! Поняла, нет?

Маршрутка резко остановилась, Агния качнулась вперед и еле устояла на ногах.

– Выходи! – рявкнул на нее водитель и взглянул исподлобья темными глазами.

Агния выбралась на тротуар.

К счастью, она отъехала достаточно далеко от бандитского гнезда и находилась теперь на людной, оживленной улице, а совсем рядом Агния увидела вывеску кафе.

Она поняла, что чашка крепкого кофе ей сейчас не помешала бы, чтобы поднять тонус и привести в порядок нервы, да и есть очень хотелось – видно, от перенесенного стресса. Кроме

того, в туалете кафе можно привести себя в порядок. К тому же она ужасно замерзла – в легкой курточке и тапочках на босу ногу. Ведь она летела из жаркого Туниса, где в октябре настоящее лето. А здесь на улице холод собачий, хорошо хоть джинсы догадалась в дорогу надеть.

Любое уважающее себя заведение принимает банковские карты, и Агния шагнула было к двери кафе, но тут в душе у нее шевельнулось какое-то нехорошее предчувствие.

Неподалеку от кафе она увидела банкомат и направилась к нему – снять наличные, чтобы увереннее чувствовать себя в кафе, да и вообще в жизни.

Вставила карту в щель банкомата, набрала ПИН-код, нажала клавишу «получение наличных»...

Банкомат подозрительно долго раздумывал, а потом выдал трагическую фразу:

«На вашем счете недостаточно средств».

– То есть как это недостаточно?... – пробормотала Агния, перечитывая роковую фразу.

Она прекрасно помнила, что на ее счете были довольно большие деньги. Ведь это карточка, которой она пользуется постоянно, туда переводят ей зарплату. Она проверяла счет перед отъездом, и с тех пор ей должны были перечислить приличную сумму...

Агния повторила всю операцию, запросив меньшую сумму, но ответ был таким же.

– Женщина, вы скоро? – проговорила у нее за спиной какая-то долговязая блондинка.

Агния достала карту и отступила в сторону.

Она осознала весь ужас своего положения. У нее не только пропали все наличные деньги – кто-то умудрился обчистить и ее банковский счет...

Домой! Нужно ехать домой!

Ей так хотелось принять душ, привести себя в порядок, да в конце концов просто оказаться в своей собственной квартире, в своем надежном убежище... правда, у нее нет денег на дорогу, но можно что-нибудь придумать...

Но уже в следующую секунду Агния поняла, что домой ехать нельзя, нельзя ни в коем случае.

Ее там наверняка ждут.

Тот человек, который допрашивал ее в аэропорту, или кто-то из его коллег... Им уже известно, что она сбежала с места аварии, так что теперь они подозревают ее в сговоре с Филином, а ведь он-то настоящий преступник!

Агния вспомнила стеклянные глаза мертвого охранника, кровавое пятно, расплывающееся на светлой куртке, и похолодела. Эти, из таинственного управления, небось еще похлеще полиции! А всем известно, что за смерть своих люди из органов мстят безжалостно.

Она осознала ужас своего положения.

Без денег, без дома, без помощи, без друзей, да еще и в бегах...

Она снова вспомнила человека в аэропорту, вспомнила, как он сказал ей, что она находится в розыске.

Почему? В чем ее обвиняют?

Тот человек ничего ей не объяснил.

А теперь ее положение только усугубилось – ведь с точки зрения властей она совершила побег, пусть и не по своей воле, а побег – это серьезное преступление...

К кому обратиться за помощью?

Прежде у нее не было бы никаких сомнений. Прежде она обратилась бы к самому близкому, самому родному человеку – к своему деду. На него она всегда могла положиться. Он бы сразу понял ее, он бы помог ей всем, чем только мог.

Но деда больше нет.

Агния снова вспомнила тот ужасный день, когда она вернулась домой и нашла его труп, и сердце привычно защемило. Это был самый страшный день в ее жизни.

К кому еще можно обратиться? К подруге Аньке?

Анна – опытная, волевая женщина, с большими связями в каких-то загадочных кругах. Она могла бы помочь, но сейчас, как назло, Анька куда-то уехала. Была у нее такая особенность – внезапно исчезать на месяц-другой.

Возвращалась она загорелая, обветренная, с таинственным видом и никогда не рассказывала о том, где была и чем занималась. Только по каким-то намекам и проговоркам Агния могла догадаться, что подруга снова побывала в какой-то горячей точке...

В общем, Анька отпадала.

Тут Агния подумала о своей матери.

Отношения с матерью у нее были сложные, но все же мать есть мать, неужели она ей не поможет? Хоть они и отделились друг от друга после смерти деда. Мама тогда ей ничем не помогла...

Обращаться к матери для нее всегда очень тяжело, да что там говорить – просто нож острый, но положение безвыходное. Придется преодолеть себя...

Агния порадовалась, что во всех сегодняшних передрыгах не потеряла мобильный телефон, достала его и набрала номер матери...

Но бездушный голос из трубки сообщил ей:

«Средств на вашем счете недостаточно для совершения исходящего вызова».

Да что же это такое? Что происходит?

Агния чувствовала себя так, как чувствует себя дикий зверь, которого со всех сторон обложили охотники.

Она отлично помнила, что только вчера на ее счете было более чем достаточно денег! Перед отъездом в Тунис положила на всякий случай побольше, а там вообще телефон отключила, чтобы никто не трезвонил с работы, дали отдохнуть по-человечески...

Отдохнула, нечего сказать, надолго она этот Тунис запомнит! Если вообще выживет...

Так что все-таки случилось с мобильником? Куда делись деньги с ее счета?

Да, кроме того, при ее тарифе были разрешены звонки даже при обнулении счета, в кредит!

Агнии показалось, что она идет по тонкому весеннему льду, и с каждым шагом лед у нее под ногами трещит и ломается. И впереди виднеется черная холодная вода... И она идет прямо туда и не может остановиться, потому что тогда лед треснет окончательно и она провалится в темную страшную воду...

Вот у нее нет и связи...

Хоть она и держит в руках мобильный телефон, но от него никакой пользы, никакого прока...

Она шла по улице, не разбирая дороги, не зная, что еще можно предпринять.

Прямо перед ней такой же нетвердой походкой шел лысоватый мужчина лет сорока. Только его состояние объяснялось куда проще, чем ее, – он был слегка навеселе.

Подвыпивший мужчина подошел к дверям магазина. На его лице отразилась интенсивная работа мысли, он достал из кармана бумажник, пересчитал деньги, снова засунул их в кошелек и с решительным видом поднялся на крыльцо магазина. При этом он уронил две купюры по пятьдесят рублей. Синеватые бумажки скользнули по тротуару и подлетели к ногам Агнии.

– Эй, мужчина, деньги потеряли! – окликнула его Агния, но мужчина не услышал ее и скрылся за дверью.

Агния быстро огляделась.

Перед ней были наличные деньги. Пусть маленькие, но все же это возможность позвонить по телефону, возможность проехать на маршрутке...

Да, но это чужие деньги, а она никогда не брала чужого, хотя в свое время ее и обвиняли в этом!

Дед накрепко вбил в нее определенные моральные принципы, и одним из главных было – не брать чужого...

Но она оказалась в таком тяжелом, безвыходном положении...

Рядом никого не было, никто ее не видел.

Чувствуя мучительный стыд, Агния наклонилась, схватила одну бумажку, потянулась за другой, но ту подхватил порыв ветра и отнес на несколько шагов. Она бросилась за купюрой, как будто от этого зависела ее жизнь, догнала, схватила, сжала в кулаке... Повезло...

Сердце мучительно билось, лицо залила краска стыда, но вместе с тем она чувствовала торжество победы.

Хотя победа была столь ничтожной, столь незначительной, что не о чем и говорить...

В любом случае нужно как можно скорее воспользоваться ее плодами!

На другой стороне улицы Агния увидела застекленный салон оператора мобильной связи. Перебежав улицу на красный свет, она вошла в салон, подошла к платежному терминалу. Торопливо набрала номер своего телефона, проверила его, вложила в терминал купюру, хотела вложить вторую, но передумала.

Терминал выдал ей чек о совершении платежа.

Трясущимися руками она снова набрала телефон матери...

И услышала тот же самый ответ:

«Средств на вашем счете недостаточно для совершения исходящего вызова».

Что за черт! Она же только что положила деньги. Не успела еще отойти от терминала. Небольшие деньги, конечно, но этого должно хватить на звонок внутри города...

Может быть, деньги еще не успели поступить? Хотя в компьютерной сети денежные переводы совершаются мгновенно, точнее, со скоростью света...

Она подошла к стойке, за которой стоял молодой парень, сотрудник салона.

– Молодой человек, я только что положила деньги на свой счет, а они не поступили. Вот мой чек...

Служащий взял у нее чек, уставился на него с умным видом.

– Какой у вас номер?

Агния продиктовала свой номер, и он развел руками:

– Так чего же вы хотите? Вы положили деньги совсем на другой номер! Нужно быть внимательнее...

– Как – на другой? – Агния выхватила у него чек, удивленно уставилась на него... в чеке действительно стоял совсем другой номер, ничуть не похожий на ее.

Но этого не может быть! Она прекрасно помнит, что набирала свой собственный номер! Она видела его на экране терминала и дважды проверила!

Снова у нее возникло чувство, что она идет по тонкому льду, и этот лед ломается у нее под ногами. А черная полынья все ближе, и веет от нее неземным холодом...

Что происходит? Такое впечатление, что против нее ополчилась вся техника...

Нет. Против нее ведет игру какая-то мощная сила, которой подвластны и банковские счета, и компьютеры мобильных операторов... Пора перестать ужасаться и принять это как факт.

Что делать?

Что можно противопоставить этой силе?

– Девушка! – раздался рядом вкрадчивый голос. – Что такая грустная? Нэ надо грустить! Пойдем, посидим в рэсторан! Сразу грустить перестанешь, веселый станешь...

Она испуганно подняла глаза и увидела рядом невысокого сутулого типа с темными масляными восточными глазами и прилизанными черными волосами.

– Пойдем в хороший рэсторан! – повторил он. – У мэня там друзья работают, хорошо угостят!

– Вали отсюда, – устало ответила Агния.

Неужели она выглядит настолько незащищенной, что на нее клюнул этот жалкий уличный донжуан?

– Вали! – повторила она твердо. – Вали в свой ресторан на малой скорости! А впрочем... дай мне телефон, мне нужно позвонить, а мой что-то глючит!

– Телефон? – переспросил брюнет, и на его лице отразилось некоторое оживление. – А если телефон дам – тогда пойдешь со мной в ресторан?

– Давай лучше так: ты мне дашь телефон, а я тебе заплачу пятьдесят рублей!

– Пятдесят? – Брюнет нахмурился, еще немного подумал и все же протянул ей телефон.

Агния схватила телефон донжуана, как утопающий хватается за соломинку.

– А деньги? – напомнил ей мужчина.

– Когда поговорю, тогда будут деньги! – отрезала Агния, набирая номер матери.

Ну, этот-то телефон никто не заблокирует, потому что никто не знает, что она по нему звонит!

И правда, в трубке раздались длинные гудки, а потом Агния услышала голос матери:

– Алло, кто это? Какой-то номер незнакомый...

– Мама, это я! – проговорила Агния, сама с трудом узнавая собственный голос.

– Перестаньте хулиганить! – отчеканила мать раздраженно и отключилась.

Агния торопливо нажала повторный набор.

– Эй, – подал голос брюнет, – ты сказала – только один звонок! Только один, а ты снова звонишь!

– Ну ты же видишь, что не соединилось! – прошипела Агния, отвернулась от него и прижала трубку к уху.

И снова услышала голос матери:

– Я сказала – немедленно перестаньте хулиганить! Я сообщу ваш номер в полицию!

– Мама, не вешай трубку! – выпалила Агния. – Это я, это действительно я, твоя дочь, Агния!

– Агния? – недоверчиво переспросила мать. – А почему ты звонишь с чужого номера?

– Так получилось, мама! Я попала в неприятности! В большие неприятности! У меня украли деньги и телефон не работает! Мама, мне нужна помощь!

– Неприятности? – переспросила мать, и в ее голосе прозвучало не сочувствие к дочери, а жгучее любопытство. – Я ведь всегда тебе говорила, что...

Она не смогла придумать, как завершить эту магическую фразу, и спросила другое:

– Что у тебя стряслось?

– Мама, я не хочу говорить об этом по телефону! Это не телефонный разговор... и вообще, слишком долго объяснять, но мне действительно нужна помощь!

– Помощь? По-моему, ты уже достаточно взрослая и должна решать свои проблемы сама! Кажется, я и так сделала для тебя все, что могла! Я вырастила тебя, дала тебе приличное образование, помогла тебе встать на ноги...

Это была абсолютная ложь. Это дед помог Агнии получить образование, он же помог ей стать первоклассным специалистом, передал ей свои знания, свои знакомства. Да если уж на то пошло, и растил-то Агнию в основном он.

Но сейчас было не лучшее время для споров. Матери только дай сесть на своего конька – заговорит до смерти. Станет перечислять все воображаемые обиды, что нанесла ей якобы Агния, потом, когда эта тема истощится, начнет прохаживаться насчет ее внешнего вида и умения одеваться.

Все это явная ложь, одевается Агния хорошо, просто матери не нравится ее сдержанный деловой стиль. Сама она предпочитает что-то яркое, развевающееся и абсолютно несочетаемое

и называет это на французский манер «стиль романтик». Ну, как говорится, о вкусах не спорят...

– Мама, пойми – мне действительно нужна твоя помощь! – закричала Агния. – Очень нужна! Приезжай на... – она огляделась, – приезжай на Австрийскую площадь... это на Петроградской... и возьми с собой денег... Скорее...

– Ты думаешь, что я могу вот так, запросто сорваться и нестись черт знает куда? – теперь мать заговорила на повышенных тонах. – А тебе не пришло в голову, что у меня есть своя собственная жизнь, свои заботы и обязательства? Ты не задумалась, как к этому отнесется Сергей Леонидович?

– Мама, я не стала бы тебя беспокоить без крайней необходимости! Мне очень, очень нужна помощь! Мне нужны деньги... хотя бы тысяч двадцать. Я тебе, разумеется, все отдам, как только разберусь с неприятностями.

– Хотя бы? – переспросила мать. – Это для тебя, может быть, двадцать тысяч не деньги, а для меня...

– Ну, привези, сколько сможешь! – проговорила Агния, с трудом сдерживаясь. – В конце концов я ведь дала тебе денег, когда тебе понадобилось на ремонт... и ты, кстати, так мне их и не отдала... Брала на месяц, а прошло уже четыре...

Агния слишком поздно поняла свою ошибку. Матери ни в коем случае нельзя было напоминать про долг. Сейчас она заведется надолго. Да, Агния сейчас далеко не в лучшей форме, в противном случае никогда бы так не прокололась, тем более что с теми деньгами она давно уже простилась.

Мать, разумеется, действовала, как обычно.

– Ах, вот в чем дело! – воскликнула она хорошо поставленным театральным голосом. – Вот ради чего все это было задумано! Ты звонишь мне, говоришь о каких-то вымышленных неприятностях – и все это только для того, чтобы напомнить о моем долге? Как ты можешь! До чего ты дошла! Как низко ты пала! Ты просто хочешь унижить меня, причинить мне боль! Ты, моя дочь!

– Мама, ты все неправильно поняла! Я действительно попала в большие неприятности! Мне действительно очень нужна твоя помощь! Пожалуйста, я прошу тебя...

– Это просто низко! – не унималась мать. – Я обратилась к тебе один-единственный раз, когда мне в самом деле очень понадобились деньги, они были нам жизненно необходимы, чтобы Сергей Леонидович мог поправить свое здоровье... ты же знаешь, что у него слабое сердце, он устал на работе, и ему непременно нужно было поехать в санаторий... в приличный санаторий, с хорошими бытовыми условиями и в подходящей климатической зоне... в конце концов ты – моя дочь, я вырастила тебя, дала тебе образование и имею право на элементарную благодарность...

Ах, вот как, значит, про ремонт все было враньем. Мать отлично знала, что на поправление здоровья отчима Агния денег не даст. Тем более что речь шла вообще не о поправлении здоровья, а об отдыхе в приличных условиях. Ей был противен этот самодовольный скандальный тип, который прозябал где-то в умирающем НИИ на грошовую зарплату, утверждая, что все кругом жалкие ничтожные люди, завистники и интриганы, что начальство зажимает его талант и питается его гениальными идеями, как червь – яблоком.

Отчим считал себя интеллигентным начитанным человеком, но, как помнит Агния, цитировал всю жизнь только одного писателя – Горького. Откуда уж пошла такая любовь к основателю социалистического реализма, она не спрашивала. Они вообще не общались, поскольку мать вышла за него замуж, когда Агния уже переехала к деду.

– Значит, ты мне не поможешь? – перебила мать Агния упавшим, безнадежным голосом.

– Это ты должна мне помогать! – теперь в голосе матери звучал театральный пафос, она сумела вернуть себе уверенность в собственной правоте и моральном превосходстве. – Ты –

молодая, обеспеченная женщина, ты вполне встала на ноги в материальном плане, и теперь я могу рассчитывать на твою помощь...

– Дэвушка, ты больно долго разговариваешь! – подал голос владелец телефона. – Мы так нэ договаривались! Ты сказала – один звонок, и все, а сама уже полчаса разговариваешь...

– Еще минуточку... – пробормотала Агния, чувствуя, как почва уходит у нее из-под ног.

Тут в трубке послышался приглушенный мужской голос, полный раздражения:

– С кем ты так долго болтаешь? Сколько можно! Ты же видишь, что я тебя жду! Я уже оделся! Я уже в ботинках! Я вспотею, а ты знаешь, какое у меня слабое здоровье! И вообще неприлично заставлять Сойкиных ждать, ты ведь знаешь, какие это люди!

– Да, Сереженька, – залезила мать, голос ее стал сладким, сюсюкающим, как будто она разговаривала с маленьким ребенком. – Я уже заканчиваю... – И снова твердо, уверенно, резко: – Все, Агния, я больше не могу разговаривать!..

Из трубки понеслись гудки отбоя.

Агния смотрела на телефон с удивлением и растерянностью.

Она знала, что мать у нее не подарок, но все же думала, что может рассчитывать на ее помощь в крайней ситуации... Точнее, она на это надеялась...

Как выяснилось, она ошибалась.

– Все, дэвушка, отдавай телефон! – Мужчина отобрал у нее трубку, по-хозяйски взял ее за локоть. – Пойдем в рэсторан! По телефону поговорил – теперь в рэсторан!

– Никуда я с тобой не пойду, – процедила Агния сквозь зубы. После разговора с матерью ее охватила глухая, безнадежная злость.

– Как это нэ пойдешь? – Мужчина набычился, глаза его сузились. – Почему нэ пойдешь?

Агния вспомнила, как кто-то из ее знакомых сказал, что обычный мужчина смотрит на отказ, как баран на новые ворота.

– Тэлефон брала, звонила – значит, пойдешь! – И он уже куда-то потащил ее.

И тут Агния ударила его коленом в самое чувствительное место, вложив в этот удар всю свою злость, весь свой страх, все свое разочарование.

Удар получился отменный.

Во всяком случае, уличный донжуан побелел, потом позеленел, согнулся пополам и застыл, хватая ртом воздух.

А у Агнии сразу стало легче на душе, как будто этим ударом она отплатила всем – и тем, кто арестовал ее в аэропорту, и Филину с его уголовниками, и собственной матери...

– Постой здесь и подумай о своем поведении! – проговорила она и зашагала прочь.

Куда деваться? К кому обратиться за помощью?

У нее не было больше никаких вариантов – и она решила все же ехать домой. Может быть, она зря паникует. Может, ее там никто не поджидает...

Она махнула рукой проезжавшей мимо маршрутке, ехавшей в подходящем направлении.

– Оплата при входе! – напомнил ей водитель, она сунула ему последнюю купюру, с боем отбитую у незадачливого донжуана, и устроилась на свободном месте.

Двадцать минут она ехала в этой маршрутке, пытаясь прийти в себя, обдумывая свое положение и пытаясь понять, как с ней такое могло случиться. Как она, неглупая, успешная молодая женщина, профессионал высокого класса, смогла за несколько часов превратиться в жалкое, загнанное существо, на которое даже водитель маршрутки смотрит с недоверием.

В результате этих размышлений она ни к чему не пришла и едва не проехала свой дом.

Спохватившись, крикнула водителю, чтобы остановился, и выбралась из маршрутки под его недовольное ворчание.

Маршрутка все же проехала немного дальше, и пришлось возвращаться пару кварталов.

И вот, когда она уже подходила к своему дому, Агния увидела припаркованный неподалеку от подъезда черный автомобиль с тонированными стеклами.

Что-то в этом автомобиле показалось ей подозрительным.

Агния замедлила шаги и задумалась.

Что здесь было не так? Или под воздействием навалившихся неприятностей у нее просто начала развиваться паранойя?

Она внимательно пригляделась к черной машине и поняла, что ее зацепило.

Во-первых, эта машина была незнакомая. Такую машину Агния ни разу не видела возле своего подъезда. Но это бы еще полбеды. Мало ли, кто-то приехал в гости к кому-то из жильцов дома. Она все же не старушка, которая просиживает все свободное время у окна и заучивает наизусть номера машин.

Но были и другие подозрительные моменты.

Окна в машине были тонированы, а ведь это сейчас запрещено правилами. И еще один момент.

Машина стояла под знаком «стоянка запрещена». Да, на первом этаже их дома находился небольшой частный детсадик, и хозяева его добились, чтобы машины не ставили под окнами. И знак повесили. А эти вот поставили свою машину, да еще не на пять минут.

Кто может себе позволить нарушать правила дорожного движения? Тот, для кого эти правила не писаны...

Нет, это не паранойя.

Эта машина стоит здесь не просто так.

Она, точнее, те, кто в ней притаился, наверняка кого-то здесь поджидают.

Не кого-то – а именно ее, Агнию.

Агния внимательно пригляделась, и ей показалось, что она разглядела за тонированными стеклами два смутно различимых человеческих силуэта. Вот сейчас она подойдет, они выскочат, схватят ее, закуют в наручники на глазах у всех соседей и повезут в загадочное управление. А там предъявят какое-то обвинение. Ведь она сбежала с места аварии, а там погиб полицейский...

Значит, домой нельзя?

Ну, во всяком случае, не так просто. Не через этот подъезд, не мимо этой машины...

Агния прожила в этом доме много лет и знала его маленькие и большие секреты.

Она попятилась, прячась от черной машины за газетным киоском, свернула за угол, в соседний переулочек, прошла еще немного и завернула в подворотню.

Через эту подворотню она попала в проходной двор.

Много лет назад, в другой жизни, она ходила этим двором в школу, если хотела сэкономить пару минут. Или просто так – ей казалось интереснее идти через двор, чем по улице. По дороге можно было увидеть что-нибудь интересное.

За прошедшие годы двор изменился, исчезли плохонькие дешевые гаражи, на их месте появился ухоженный сквер, детская площадка. Но двор как был проходным, так и остался, и Агния через знакомую арку попала в свой собственный двор.

Сюда, в этот двор, выходил второй, так называемый черный ход их дома. Этим выходом она пользовалась, когда выносила мусор. Или в других, столь же важных случаях.

Но сейчас она не вошла в этот подъезд, потому что там ее тоже могли поджидать.

Она вошла в другую дверь, в ту, что вела на соседнюю лестницу. На этой лестнице, в семнадцатой квартире, жил Петька Самоедов, с которым она была знакома в той, другой жизни...

Петька был отъявленным хулиганом и двоечником, детям из приличных семей запрещалось с ним водиться. Агнию познакомила с Петькой подруга Анька – она-то была дочкой дворничихи, ей любые запреты были нипочем. Наоборот – только интереснее было общаться с хулиганом. А с Анькой они дружили с семи лет, дед Аньку привечал, разглядел что-то в дворничихиной дочке.

И, как выяснилось, прав оказался, потому что Аньку в возрасте десяти лет взяли в большой спорт, какие-то у нее оказались удивительные способности.

Петька был старше девчонок на два года, но Аньку очень уважал за умение драться.

По Петькиной лестнице Агния поднялась на шестой этаж. Этот этаж был нежилой.

Здесь, на самом верхнем этаже, находилась дверь, о которой знали только коренные обитатели их дома. Эта дверь выходила на чердак, который соединял две соседние лестницы.

Со стороны эта дверь казалась закрытой на висячий замок, но Агния, которая здесь выросла, знала еще один маленький секрет чердачной двери. Замок висел только для видимости, на самом деле он давно уже не запирался.

Агния по привычке оглянулась, сняла замок, открыла дверь и проскользнула на чердак.

Как и много лет назад, тут было пыльно, повсюду валялись груды никому не нужного хлама, обломки мебели, солнечные лучи пробивались сквозь слуховые окна, и пылинки мелькали в столбах света, как снежные хлопья.

И еще гулко ворковали голуби. Казалось, что кто-то безуспешно заводит невидимый мотоцикл.

Агния прошла по знакомой тропинке, протоптанной многими поколениями детей среди высоченных холмов пыльного хлама, и подошла к другой двери.

Эта-то дверь выходила в ее подъезд. И тоже замок на ней висел только для видимости.

Агния тихонько выглянула на лестницу, убедилась, что там никого нет, и лишь после этого тихо, стараясь ступать бесшумно, спустилась на свой этаж.

Вот и дверь ее квартиры...

Агния почувствовала почти непреодолимый соблазн – открыть дверь, войти в квартиру, отгородиться от всего мира, почувствовать себя в безопасности...

В безопасности ли?

Она подошла к двери и остановилась, затем прижалась к двери ухом, прислушиваясь.

Из ее квартиры не доносилось ни звука.

Может быть, там никого нет? Может, те, кто ее караулит, удовольствовались машиной, поставленной у подъезда, оставив квартиру пустой, чтобы вернее использовать ее как приманку?

Тогда Агния действительно может войти в квартиру, хотя бы ненадолго. Может принять душ, переодеться в чистую удобную одежду... да и деньги у нее в квартире есть, так что ее положение станет не таким безнадежным... а потом уйти оттуда тем же путем, каким пришла, через чердак...

Соблазн был так велик!

Агния уже потянулась за ключами, порадовавшись тому, что они не пропали, не потерялись во всех сегодняшних передрягах – как положила их в потайной карман куртки, так и лежат, голубчики. Но тут в глубине квартиры зазвонил телефон.

Агния вздрогнула и застыла.

Впрочем, что тут такого? Ну, кто-то ей позвонил, к примеру, ее работодатель Солянов интересуется, вернулась ли она из отпуска и когда собирается выйти на работу, потому что дел накопилась чертова прорва... Или Анька объявилась наконец... Или еще кто-то по делу... Или мать усовестилась, хотя последнее вряд ли.

Да, в том, что у нее в квартире зазвонил телефон, не было ничего особенного.

Но телефон прозвонил два раза и замолчал.

Нет, не совсем так.

Телефон не сам замолчал – там, в глубине квартиры, кто-то снял с него трубку.

Агния замерла, вся превратившись в слух.

Она ничего не услышала, потому что двери были поставлены еще дедом – одна крепкая, железная, а вторая – старая, толстая, дубовая, такую нипочем не открыть, если только топором рубить, говорил дед, да и то не всякий топор ее возьмет.

Ох, дед, дед, ну как же так вышло... Потому полиция и не нашла убийцу, что твердо были они уверены – дед сам его впустил в дом, сам открыл ему обе двери.

А вот интересно, как эти-то в квартиру попали? Отмычки у них какие-то особенные, что ли?

Ей показалось, что она воочию видит человека, который прижимает телефонную трубку к уху и внимательно слушает, что говорит другой человек, на другом конце провода. А в это время другие люди в большой, ярко освещенной комнате, заполненной всевозможным оборудованием, всевозможной сложной электронной аппаратурой, пытаются отследить звонок.

Нет, к сожалению, собственная квартира для нее недоступна. Как говорится, близок локоть, да не укусишь. Там ее ждут, и стоит ей открыть дверь – как мышеловка захлопнется.

Так что отменяется горячий душ, отменяется чистая одежда, отменяются наличные деньги. Она остается одиноким загнанным животным, по следу которого идут охотники...

Агния тихонько отошла от своей двери, тихонько поднялась по лестнице.

Она дошла до пятого этажа, и в это время одна из дверей открылась, и на площадку вышла соседка.

Агния не знала ее имени-отчества, но часто встречалась с ней возле дома. Эта соседка дважды в день выгуливала маленькую собачку – истеричное, страдающее ожирением создание неопределенной породы с визгливым голосом и отвратительным характером, чем-то неуловимо похожее на свою хозяйку. Вот и сейчас соседка с гордым видом вела свою любимицу на поводке, по дороге пересказывая ей содержание выпуска новостей.

– Здравствуйте, – вежливо проговорила Агния, встретившись с соседкой глазами.

Та ей не ответила, только выпучила глаза, будто увидела привидение. Зато собачка залилась визгливым лаем и бросилась к Агнии с явным намерением укусить ее за ногу.

Соседка, однако, с прытью, неожиданной для своего возраста и комплекции, подхватила собачку на руки, прижала ее к груди и поспешила вниз по лестнице, что-то ласково выговаривая.

Агния продолжила подъем, но тут услышала, что соседка, спустившись еще на несколько лестничных пролетов, с кем-то заговорила.

– Я понимаю, что вы при исполнении, но только зачем вы в дом посторонних пускаете? – произнесла она со сдержанным осуждением. – Ходят здесь какие-то подозрительные личности, вот Джуленьку мою напугали...

– Где вы кого-то видели? – осведомился мужской голос. – Мимо меня никто не проходил!

– Да выше, на пятом этаже!

На этот раз мужчина ничего не ответил, но Агния услышала, что он побежал вверх по лестнице. Надо же, зараза какая соседка эта, и собачонка у нее вредная!

Она тоже припустила что было сил вверх, вбежала на чердак, бросилась вперед по знакомому пути...

Агния уже подбежала к двери, ведущей на другую лестницу, но тут она услышала доносящиеся из-за той двери шаги и голоса.

Должно быть, ее преследователь связался по рации со своими коллегами, и те отрезали ей путь к отступлению...

– Да! – говорили довольно громко. – Пока не вышла, но если все выходы перекрыты, так куда она денется! Возьмем тепленькую...

Агния заметалась по чердаку.

Обе лестницы стали ей недоступны...

И тут она вспомнила, как тот же Петька Самоедов показал ей когда-то давно свое тайное убежище. Обычно они проводили время втроем, но Аньки тогда не было – она лежала в больнице со скарлатиной, дед еще ездил туда, передавал фрукты с рынка и сладости, у Анькиной матери на такое не было денег. Тогда они полдня болтались с Петькой, дед несколько ослабил внимание. Агния ужасно гордилась оказанным Петькой доверием, про убежище не знала даже Анька.

Агния бросилась к слуховому окну. Перед ней вспорхнули перепуганные голуби, громко хлопая крыльями. Окно было давно уже без стекол. Агния протиснулась в него, оцарапав руку о торчащий из рамы гвоздь. Она подумала, что тогда, много лет назад, это получалось у нее гораздо легче.

Тем не менее она вылезла через окно на покатуую крышу, балансируя, как цирковой канатоходец, прошла по ней несколько шагов и оказалась рядом с кирпичной трубой. Хорошо, что в Тунисе сообразила надеть в дорогу не босоножки на каблуке, а удобные тапочки.

Печи в доме давно уже не топились, и трубы сохранились просто как бесполезные архитектурные излишества. Петька часто вылезал на крышу и во время одной из таких вылазок обнаружил, что в одной из труб есть выемка, прикрытая снаружи неприметной дверцей. Там-то он и устроил свое убежище.

В тот раз они с Агнией провели там почти полдня, болтая и пересказывая друг другу интересные фильмы. Когда Агния вернулась домой, в квартире пахло лекарством. Дед был бледен и испуган, пытался кричать на нее, прижимая руку к левой стороне груди, и взял с нее слово, что она больше не будет так исчезать. Агния сдержала слово, потому что через полгода Петькины родители развелись, и мать увезла его к бабке куда-то не то в Курск, не то в Орел.

Агния обошла трубу.

Дверка была на прежнем месте. Она потянула за ручку, протиснулась внутрь...

Прежде это убежище казалось ей таким просторным, они вполне умещались в нем вдвоем с Петькой, теперь же Агния одна с трудом поместилась там. Пришлось сложиться пополам, как циркачка.

Она уселась поудобнее и огляделась.

Ей казалось, что она перенеслась в свое детство.

На полу лежал мел, который они с Петькой оставили здесь много лет назад, а вот на стене полустертые следы этого же мела – партия в крестики-нолики, которую они с Петькой разыграли в тот незабываемый день... Агния тогда выиграла.

Но сейчас она играла совсем в другую, гораздо более опасную игру. Играла не на равных – у ее противников были все преимущества – численность, средства, время. Так что сегодня шансов выиграть у нее почти не было.

На полу, в углу тайника, она увидела какую-то скомканную бумажку. Расправила ее и не поверила своим глазам.

Это был схематический рисунок, что-то вроде плана или карты, в углу которой стоял жирный крестик.

Агния живо вспомнила далекий день, когда Петька показал ей этот листок и сообщил, что это – пиратская карта, на которой обозначено место, где спрятаны сокровища...

Агния на секунду прикрыла глаза, вспоминая, с каким увлечением она разглядывала тогда эту карту...

Впрочем, теперь у нее были другие заботы.

Из своего убежища Агния не могла видеть, что происходит, могла только слышать.

Она услышала, как снова испуганно вспорхнули голуби.

Потом хлопнуло слуховое окно, и мужской голос разочарованно проговорил:

– Нет, здесь ее тоже нет. Просто не представляю, куда она могла подеваться...

Голоса стихли.

Агния ждала еще долго, очень долго, чтобы увериться, что ее преследователи покинули чердак.

Наконец, когда прошло уже полтора часа, она осторожно выглянула из своего тайника, затем выбралась на крышу.

Однако она не пошла к слуховому окну – ее могли караулить в обоих подъездах, куда можно попасть из этого чердака. Судя по тому, что она слышала, преследователи настроены серьезно.

Вместо этого, вспомнив уроки Петьки Самоедова, она осторожно пробралась по крыше до самого края.

Здесь крыша ее дома очень близко подходила к соседней крыше, их разделяло не больше метра.

Легко сказать – не больше метра!

Этот метр был настоящей пропастью, внизу, на дне этой пропасти, все казалось таким маленьким! Ужасная глубина этой пропасти засасывала, затягивала Агнию, казалось, она манила ее – только шагни вперед, и все твои неприятности кончатся...

Тогда, много лет назад, в другой жизни, Петька Самоедов легко перепрыгнул на соседнюю крышу, а Агния испугалась. Она стояла на краю крыши, губы ее тряслись, она была готова заплакать – и от страха, и от стыда, от боязни, что Петька заметит ее страх.

Он оглянулся на нее, и на его лице появилось не презрение к трусливой девчонке, не высокомерие ловкого пацана, а сочувствие и понимание.

Он перепрыгнул обратно, встал рядом с ней, взял ее за руку и проговорил:

– Ага, не бойся! Здесь совсем не широко, ты перепрыгнешь на раз! Только не смотри вниз! Давай вместе! Раз, два, три...

Агния тогда и сама не заметила, как оказалась на другой крыше.

И сейчас она представила, что Петька стоит рядом, слышала его голос:

– Главное – не смотреть вниз! Раз, два, три...

Агния сделала два шага разбега, оттолкнулась...

И приземлилась на краю другой крыши.

В первый момент она едва не потеряла равновесие, едва не соскользнула назад, к обрыву – но ей показалось, что Петька схватил ее за руку, поддержал, она шагнула вперед и выпрямилась.

Пропасть была позади, она твердо стояла на крыше соседнего дома.

Дальше все было проще: несколько шагов по покато́й кровле – и перед ней, как и много лет назад, оказалось слуховое окно.

Стекла в нем не было, в оконном проеме самозабвенно ворковал белый голубь.

– Извини, – проговорила Агния, наклонившись к окну.

Голубь испуганно шарахнулся, взлетел, задев ее лицо крылом – он был неприятно поражен, что человек, которому положено обитать внизу, на пыльных и душных улицах этого города, появился в его владениях, на крыше, так близко к небу, к солнцу.

Агния пролезла в окно (это было куда труднее, чем в детстве) и оказалась на чердаке.

Чердак был точно такой же, как в ее доме – пыльный, заваленный бесполезным хламом, обжитый голубями, – но за его дверью была лестница, которая выходила на другую улицу, туда, где Агнию никто не ждал.

Через несколько минут она уже шла по улице.

В душе у нее было двойственное чувство – с одной стороны, ей удалось сбежать от преследователей, она по-прежнему была на свободе, с другой же – как и прежде, она чувствовала себя загнанным зверем, дичью, по следу которой идут охотники.

Она смертельно устала, она хотела принять горячий душ, хотела выпить большую чашку крепкого кофе, хотела есть – но все эти желания были неосуществимы.

В какой-то момент Агния даже пожалела, что ее не поймали.

Тогда по крайней мере все было бы кончено, больше не нужно было бы убегать. Она могла бы отдохнуть... возможно, ей позволили бы прилечь, пусть в камере, пусть на жестком топчане, на нарах, но можно было бы вытянуться, закрыть глаза...

Наверняка ее накормили бы...

Агния почувствовала, как ее рот наполняется голодной слюной – и тут же пришла в ужас от своих мыслей. До чего же она дошла, если вспоминает с тоской о тюремной баланде!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.